

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Митинг в крупнейшем зале Берлина «Вернер-Зееленбиндхалле». На трибуне товарищ Н. С. Хрущев. Фото Централбюро. (Снимок принят по фототелеграфу ТАСС)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 60 (4185)

Суббота, 21 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

БДИТЕЛЬНОСТЬ — ВАЖНЕЙШЕЕ ОРУЖИЕ ДРУЗЕЙ МИРА

«ПОТЕРЯННОЕ ЛИЦО»

Б. ЛЕОНТЬЕВ

ЧТО ЗНАЧИТ «потерять лицо»?

Это дипломатический термин, означающий прежде всего утрату престижа. Он может означать также разоблачение полных целей, срыв маски, а в других случаях — и раскрытие моральной нечистоплотности. Короче говоря, эти слова приходится применять всякий раз, когда выступает перед обществом во всей своей неприглядности лицо политическое, действительное, которое до поры до времени удавалось прятать. Естественно, что весь мир с удивлением взирал в эти дни на странное метаморфозы, происшедшие с президентом США Эйзенхауэром. Который из его обличий следует считать настоящим? Тот ли, который может быть связан с самыми людскими временами «холодной войны»? Или

тот, который олицетворяет его переговоры с Н. С. Хрущевым в Кэмп-Дэвиде? Или тот, что предвещает для обличия сейчас, когда президент принял на себя всю ответственность за шипованные на СССР, объявив их «нормальными» выражением внешней политики США?

Не случайно один из вопросов, заданных Никите Сергеевичу на пресс-конференции 18 мая, гласил: можете ли Вы объяснить причины различия между позициями президента США в Кэмп-Дэвиде и сейчас в Париже? Товарищ Хрущев напомнил, что все последние факты свидетельствуют об активизации в США самых реакционных сил, Пентагона, военных: «Они дают на президента. Имени они послали самолет в нашу страну, — конечно, с разрешения госопина президента. Этим и могут объяснить изменение, происшедшее в политике США после наших бесед с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде».

Пожалуй, трудно говорить, что в этих условиях господин Эйзенхауэр «потерял лицо», хотя именно в этом смысле пишут о нем даже многие буржуазные газеты. Скорее всего, обнаружилось, что у него просто нет четкого профиля, ясного «политического лица», политической линии. Он слишком поддается влияниям. Как все мы помним, этот американский президент полностью перевернул в течение многих лет определение внешнеполитического курса своей страны: государственному секретарю Джону Фостеру Даллесу, а это был курс агрессивный, сугубо антисоветский, получивший название политики «на грани войны».

Вскоре после смерти Даллеса в прошлом году президент США пошел более разумным, более трезвым путем, именуемым только от некоторых кругов в Америке, но и из стран-союзниц США, в частности Англии, советам, проинформированным лучшим пониманием изменившейся обстановки на земном шаре. Внезапным было решение Эйзенхауэра обменяться визитами с Н. С. Хрущевым, — в то время, в августе-сентябре 1959 года, это казалось очень важным и существенным изменением внешней политики Вашингтона. Но позднее, — и отнюдь не 1 мая 1960 года, а значительно раньше, — другие, империалистические влияния снова «изменили» взгляды президента.

Тут уже можно говорить не о «потере», а об отсутствии собственного лица. Жаль, разумеется, но таков непреодолимый факт. И это признают сейчас все. Любопытно, например, высказывание вид-

ного итальянского общественного деятеля, депутата парламента Туллио Веккьети. Он сказал в Риме 19 мая: «В берлинском вопросе Эйзенхауэр поддался шантажу Аденауэра, полностью приняв его экстремистские тезисы. В вопросе о разоружении англо-американская сторона не отступила ни на миллиметр от своей позиции, основывавшейся на ведении контроля без каких бы то ни было конкретных гарантий осуществления разоружения. Между тем Англия и США прекрасно знают, что подобная позиция не приемлема для СССР. Наконец, и в вопросе о запрещении испытаний атомного и водородного оружия американские представители встали на точку зрения военных кругов». Веккьети подчеркивает беспомощность Эйзенхауэра «спротивостоять давлению американских экстремистов».

Словом, всегда и неизменно чья-то посторонняя «точка зрения», чье-то давление, неспособность противостоять...

Вместо лица — некое расплывающееся серое пятно. Могу ли чего-либо стоить слова, обещания, выпущенные кляпты в любви к миру и даже к разоружению, если они произносятся таким деятелем, застрявшим поведением которого никто не может предугадать?!

МАСКА, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ,

СОРВАНА

Фигура доживающего последний год своего пребывания в Белом доме американского президента — любопытное явление в доживающем свой век капиталистическом обществе. Но не к этому факту должно быть приковано сейчас наше внимание. В Париже в эти дни произошло нечто более значительное: блестящим маневром нашей дипломатии удалось сорвать маску со всей политики Запада, прежде всего — США.

И это крайне важно для всего огромного, трудного дела всенародной борьбы за мир. Люди доброй воли обязаны хорошо знать обстановку. Сколько ни неохотно, (Омечание на 2-й стр.)

Иосиф ВАЛЦАН

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Кто от дедов не слышал такого завета:

«С конюшником не держат совета, Если в виноградник лезут воры, С ними не ведут переговоры. Если кто без спроса влез во двор, Приготовь не угощение, а топор».

Лучше этой присказки, Белый дом, Мы тебе советника не найдем.

И другую мудрость слышал я от деда: «Не жалея вина для гостя, для глупца — совета».

Вот и шлю совет я из моей Молдовы, Там, где не расходятся с делом слово,

Где не позабыли: «Если лезут воры, С ними ни к чему переговоры».

Не летать вам в нашем небе, воры и пираты, Кто весну одеть хотел бы снова в маскхалаты!

Если в виноградник влезли воры, С ними ни к чему переговоры.

Перевел с молдавского В. АЛЕКСАНДРОВ

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Берггольц О. Ф. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и учитывая заслуги в развитии советской художественной литературы, награждать тов. Берггольц Ольгу Федоровну — орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 20 мая 1960 г.

Разоблачать проиcки агрессоров!

КОГДА на Спасской башне Кремля стрелки показывали семь часов вечера, в Берлине было пять часов пополудни. Толпы людей заполнили в этот час огромную площадь перед залом имени Вернера Зееленбиндера. Хотя этот зал — один из крупнейших в городе, он вмещал лишь небольшую часть всех стремившихся попасть туда — всего пять тысяч человек. Строители новой социалистической Германии собрались, чтобы встретиться с Никитой Сергеевичем Хрущевым, руководителями Германской Демократической Республики, послушать их выступления.

На митинг прибыли Н. С. Хрущев, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротевольд, Р. Я. Малиновский, видные деятели Германской Демократической Республики, первый секретарь ЦК КДП Макс Рейман. Трудно передать восторг и восторженность, с которыми было встречено их появление. Особенно жаркие аплодисменты вспыхнули, когда — после выступления председателя Национального совета Национального фронта демократической Германии Э. Корреса — на трибуну поднялся Н. С. Хрущев.

В НАЧАЛЕ выступления Никита Сергеевич передал горячий, братский привет жителям Берлина, всему народу Германской Демократической Республики и поблагодарил берлинцев за дружескую встречу.

Большую часть своей яркой речи Никита Сергеевич посвятил вопросу, который сейчас волнует всех людей на земле: почему была сорвана встреча глав правительств четырех великих держав. Он заявил:

«К сожалению, встреча в верхах не состоялась, ее торпедировали своими провокационными, агрессивными действиями правящие круги Соединенных Штатов Америки».

Советский Союз готовился к встрече на высшем уровне с самыми серьезными и добрыми намерениями. Как казалось, западные участники встречи тоже придерживались такого взгляда. Однако серьезные опасения внушала скрытая и сложная борьба различных политических сил в Соединенных Штатах Америки, борьба между сторонниками «холодной войны» и точки зрения — с одной стороны и мирного сосуществования — с другой. В итоге оправданные худшие предположения о расстановке сил в США. Влияющие круги, которые не заинтересованы в ликвидации напряженности и «холодной войны», находятся в близком окружении президента и давят на него. Вторжение — с ведома президента Эйзенхауэра — разведывательного самолета в пределы нашей страны, провокационные угрожающие речи государственных деятелей США, к которым присоединился и Эйзенхауэр, — все говорило о том, что правительство Соединенных Штатов не хочет решения назревших вопросов, строится к обострению отношений и созданию ненормальных условий для встречи в Париже.

«Но Советское правительство упорно и настойчиво стремится к миру, — подчеркнул Н. С. Хрущев. — Для того, чтобы разумно разрешить назревшие вопросы, дать людям возможность спокойно работать и жить, оно готово использовать даже малейший шанс, даже малейшую возможность. Нам казалось, что надежда еще не потеряна; и мы продолжали готовиться к этой встрече».

Именно поэтому, несмотря на повторную засылку самолета-шпиона в Советский Союз, несмотря на безразудные и

авантюристичные заявления агрессоров о том, что вторжения американских самолетов будут продолжаться, советская делегация все-таки решила ехать в Париж.

Н. С. Хрущев поясняет, зачем американцы пошли на провокацию с самолетом «У-2». Они хотели наказать на Советский Союз, сделать его более стеснительным, хотели ослабить его позиции.

«Видно, — замечает Н. С. Хрущев, — президент Эйзенхауэр, Гертнер, Никсон и особенно Атлан Даллес кричали в успехе свои лица, предвзвывая встречу глав правительств в Париже, когда Эйзенхауэр будет поглядывать на Хрущева и думать, что вы здесь нас угождаете, самолеты Соединенных Штатов лети над территорией Советского Союза, вы делаете ничего не могли и все-таки приехали в Париж. Следовательно, вы не можете так требовательно добиваться соглашения о разоружении, о заключении мирного договора с Германией и по другим вопросам».

Но, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы сбросили ракетой первой ракетой. Мы поехали в Париж потому, что верны своей политике борьбы за мир, за разрядку напряженности. Мы рожали встречу с главами правительств и заявили, что политика, которую проводит Соединенные Штаты, ведет не к соглашению, а к обострению, к срыву возможной договоренности».

Припугнутый к стене неопровержимыми фактами, президент Эйзенхауэр пошел на уступки, на полупризнание; но правительство США не осудило свои действия, не обещало наказать виновных и не извинилось перед СССР. В таких условиях согласие советской стороны на совещание было бы американской военной победой, означало бы, что ей все позволено, что она может разговаривать языком силы.

Бурное одобрение вызвали слова Никиты Сергеевича:

«Советское правительство предложило созвать совещание через 6—8 месяцев. Как говорится, «с утра вечера мудренее». Если мы не найдем общего языка для решения спорных международных вопросов с нынешними руководителями США или при президенте, который придет на смену Эйзенхауэру, тогда будем ждать следующего президента. Но с решением вопроса о ликвидации остатков второй мировой войны, заключении мирного договора с Германией и урегулированием на этой основе западноевропейского вопроса мы долго ждать не будем. Если западные державы не проявят к этому готовности, мы вынуждены будем искать решения этих вопросов вместе с теми странами, которые кровно заинтересованы в укреплении мира в Европе и готовы подписать мирный договор».

Однако Советское правительство хотело бы верить, что через 6—8 месяцев совещание в верхах состоится, что оно найдет решение давно уже назревшего вопроса о подписании мирного договора с двумя германскими государствами. Поэтому в отношении германского мирного договора, и в том числе по вопросу о Западной Берлине, видимо, надо будет сохранить существующее положение до встречи глав правительств.

А какую же политику в ближайшие 6—8 месяцев будут проводить Советский Союз и социалистические страны, входящие в Варшавский договор? Они будут делать все необходимое, чтобы вести дело к оздоровлению международной обстановки и улучшению отношений между государствами. Решающую роль в этом могло бы сыграть полное и всеобщее раз-

зоружение. «Разоружение — это проблема всех проблем», — сказал глава Советского правительства.

СЕРЬЕЗНОЕ внимание уделял Н. С. Хрущев итермичному положению в Западной Германии, где с каждым годом растет влияние милитаристских кругов. Эти круги находят полную поддержку у американских империалистов, с которыми их объединяет ненависть к странам социализма. А вдохновителем их общей агрессивной политики выступает не кто иной, как Аденауэр.

«Ослепленный своей ненавистью ко всему новому, живому, свежему, этот человек руководствуется политикой, которая направлена на подготовку реваншистской войны, — говорит Никита Сергеевич. — Честные немцы говорят, что дела Аденауэра в какой-то степени все больше напоминают то, что делал Гитлер. Известно, чем кончил бесноватый фюрер, но Аденауэру все же не мешает. Видно, ему вкружило голову то обстоятельство, что его, так сказать, взяли себе в наставники руководители внешней политики Соединенных Штатов Америки».

О, берлинцы хорошо знают, как злобует ныне этот фактический государственный секретарь США (так его именуют некоторые журналисты) по по-

воду срыва совещания в верхах. Но — назолю ли его торжество?..

Берлинцы хорошо знают и другого деятеля такого же толка — шумливого бургомистра Западного Берлина г-на Брандта. И они полностью согласны с Н. С. Хрущевым, что большинство с огнем («бранд» по-немецки значит «пожар») может повлечь непоправимые последствия, в первую очередь для самого г-на бургомистра.

«Нам нужен мир, — заявил под конец Никита Сергеевич. — Я мы будем, не жалея своих усилий, добиваться смягчения международной напряженности, будем с этой целью упорно и настойчиво вести переговоры с западными державами. Но мы не позволим, чтобы империалисты разговаривали с нами с позиции силы. Мы должны разоблачать проиcки агрессоров, повышать бдительность народов, еще более сплачивать ряды борцов за великое и благородное дело мира».

Берлинцы устроили бурную овацию Никите Сергеевичу, приподняли ему большой букет красных цветов. Митинг, на котором выступил также первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, превратился в величественную и грандиозную демонстрацию дружбы между советским и немецким народами, показала, что свободные народы не позволяют агрессорам своими провокациями подрывать дело мира.

БЕРЛИН, 20 МАЯ

Как бы ни хотелось, но трудно найти достояние выразительные и яркие слова, чтобы рассказать о том громадном воодушевлении, той теплоте, с которой был встречен Никита Сергеевич Хрущев на немецкой земле. И никакое описание этой восторженной встречи, никакие детали не будут достаточно полно и точно, если не сказать о тех глубинах, особым образом, которые здесь, в Германии, определяли отношение людей к этому дружескому визиту главы Советского правительства.

Именно здесь, в Берлине, особенно чувствуется, что империалисты ничего так не страшатся, как народа, умеющего отличать своих друзей от своих врагов. Поэтому они используют Западный Берлин не только для действий шпионских и реваншистских банд, но и для идеологического воздействия при помощи печатного слова, телевидения, радио. Все это используется для подстрекательской и агитационной пропаганды. И вот с этого Берлина я услышал изречение, которое разгорелось в сердцах, ахавших из одного района Западного Берлина в другой. Они говорили о событиях последних дней.

— Разве американцы были не правы, когда они отвергли ультиматум Хрущеву? — спросил один из них.

— Какой ультиматум? Представь себе, что кто-то ворвался в твой дом. Ты застел его и вышвырнул вон. А вскоре после этого тебе предстоит встретиться с ним и о чем-то договориться...

— Да, — прервал первый, — конечно, вор должен сначала, по меньшей мере, извиниться...

— А если он не только отказывается это сделать, а хочет доказать, что имеет право ворваться в чужой дом... — Да, так дело не пойдет. И пусть лучше он мне не попадется.

— Вот видишь, точно так же рассуждают русские... — Пожалуй, ты прав. Если бы Хрущев уступил им, то американцы обогнали бы еще больше.

...И тысячу раз был прав Вальтер Ульбрихт, назвавший восторженный прием, оказанный берлинцами Никите Сергеевичу, чередным голосованием на улицах Берлина. Мысль, высказанная в разговоре двумя рабочими, нашла тысячекратное выражение на митинге в зале имени Вернера Зееленбиндера, явившемся демонстрацией дружбы с советским народом. Отчетливо, чем когда-либо, сознавали в этот день жители Берлина, а вместе с ними все немцы и все народы мира, что реальная мощь социалистического лагеря определяет ныне и будет определять в будущем мировую политику. Наш пост Кубы выразил эту идею следующими словами: «Если у голубя есть сила, то не будет больше войны».

И когда господа из Пентагона попытались возвести закон джунглей в закон жизни народов, они понесли двойное поражение: им пришлось почувствовать си-

лу голубя и признаться в том, что дела в мире больше не подвластны им. Это особенно ошутимо здесь, в Германии...

Тысячи людей горячо аплодировали Никите Сергеевичу Хрущеву и Вальтеру Ульбрихту, когда те говорили об ответственности каждого человека за сохранение мира. Ложь и разбой бессильны против правды, против самой жизни. Эта правда — дружба между советским народом и народами Германской Демократической Республики. Символом самой жизни в ее цветении была сирень на улицах Берлина, по которой Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Нам казалось, вчера, что вся сирень Берлина растет на тех улицах, по которым мы ехали».

БЕРЛИН, 20 мая. (По телефону)

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ!

Всей душой поддерживаю обращение советских писателей к писателям США, опубликованное 17 мая «Литературной газетой». Берли, что на нем отключаются американские литераторы. Агрессивные действия американской военизации — прямая угроза священному делу мира. Их осуждает все человечество. Это и прямая измена своему народу.

Вызвал к разуму и совести заокеанских работников пера, первая обязанность которых — бороться за правду и справедливость, за мир во всем мире.

Максим РЫЛЬСКИЙ

КИЕВ, 20 мая. (По телеграфу)

ЧУДЕСНЫЕ ДНИ СРЕДИ РУССКИХ ДРУЗЕЙ

ЗАКОНЧИЛИСЬ дни литовской поэзии. А несколько месяцев тому назад на только что что лучшей Каунасской ГЭС, в больших рабочих аудиториях, в колхозах и в Вильнюсском государственном университете русские поэты были встречены горячими чувствами настоящей дружбы, любви и братского приветия.

С открытым сердцем, с настоящим русским гостеприимством встретили и нас наши друзья — русские поэты. Перед нами распахнулись двери больших московских залов, мы выступали по радио и по телевидению, московские газеты представили свои страницы для стихов наших поэтов. И это было не только в Москве. Горький и Орел также встретили нас, как своих самых дорогих гостей.

В первую зиму Великой Отечественной войны недавно от Горького организованное Литовское соединение Советской Армии, а через год на орловской земле оно получило боевое крещение. Мы посетили священные для литовского народа места. В селе Алексеевке Покровского района мы стояли у братской могилы, где похоронены наши смертью храбрые.

Мы, литовские поэты, вспомнили о том, что не одна стирфа нашей молодости, новой поэзии родилась в тепле именно здесь, на орловской земле. И мы читали теперь эти стихи собравшимся у братской могилы. Вокруг стояли пожилые люди с лицами, на которых оставила свой след война, стояли женщины со слезами в глазах, стояли дети с пионерскими галстуками, с охапками весенних цветов. Все мы жили одним святым чувством — не допустить новой войны, укреплять нашу дружбу, строить коммунизм. В каждом человеке выступавших звучала гордость за нашу великую Родину, которая в

эти дни запустила вокруг Земли огромный космический корабль, символ ума и мощи нашего народа. Последствие колхозники, хорошо помнящие бон Отечественной войны, клеймили позором американских провокаторов новой войны. Вместе с приехавшими к ним литовскими поэтами они решительно заявляли, что нет силы, которая могла бы покорить великую дружбу наших народов, нашу веру в торжество мира на земле...

Литовские поэты уже давно связаны с нашими испытанными друзьями, как И. Тихонов, П. Антокольский, А. Сурков, М. Светлов, Л. Озеров, Д. Бродский и многие другие. Сейчас к этой чудесной плеяде добавились наши новые старые друзья — Я. Смеляков, Б. Слуцкий, Р. Рождественский, В. Тушнов, В. Захарченко, Д. Блинский и многие другие... Вместе со своими русскими друзьями мы обсуждали задачи нашей поэзии в строительстве коммунизма, проблемы формы, традиции и новаторства. Мы говорили о том, как лучше организовать перевод и издание литовской поэзии на русском языке и русской — на литовском. Это дело давно хорошо известно и теперь нуждается в дальнейшем развитии.

Мы возвращаемся домой в наш древний Вильнюс. Мы не забудем Дней литовской поэзии. Эти дни помогли нам глубже почувствовать пульс нашей огромной страны, увидеть созидательный труд русского народа. Всем, что мы имеем — новыми городами и заводами, новыми шахтами, театрами, стадионами, книгами, нашей свободой и счастьем народа, — всем этим мы в очень большой степени обязаны русскому народу. И откровенно говоря, мы и гусыни нажались усилия заокеанских прислужников американских империалистов — отщепенцев литовского народа

— посеять у нас недоверие к русскому народу, вызвать рознь и ненависть между нашими народами! Никогда этому не бывать!

Все увидевшее и пережитое нами за эти дни обогатит литовскую поэзию новыми темами, чувствами и образами, еще больше наполнит ее дыханием современности, животворным ветром эпохи, идеями интернационализма и дружбы народов. В этом, как мы напомним, главный смысл наших дружеских встреч, нашей чудесной поэзии.

От всего сердца литовские спасибо вам, дорогие друзья, русские поэты! Спасибо великой Москве, нашей общей столице! Спасибо славным городам Горькому и Орлу! Спасибо русскому народу, народу с большим, чутким и любящим сердцем!

Антанас ВЕНЦЛОВА

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Берггольц О. Ф. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и учитывая заслуги в развитии советской художественной литературы, награждать тов. Берггольц Ольгу Федоровну — орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 20 мая 1960 г.

ПРОГРАММА ЗАВЕРШЕНА

По сообщению ТАСС, намеченная программа исследований полета корабля-спутника закончена. 19 мая в 2 ч. 52 м. была передана команда для осуществления спуска корабля-спутника с орбиты. Однако, в результате появившейся к этому времени несправности, направление тормозного импульса отклонилось от расчетного. В результате уменьшения скорости корабля произошло некоторое ее увеличение и корабль-спутник перешел на новую эллиптическую орбиту, имеющую значительно больший апогей. Отделение герметической кабины от корабля-спутника произошло и при этом зарегистрирована нормальная работа системы стабилизации кабины.

В результате первого запуска корабля-спутника решен ряд важнейших научных и технических задач. Полученные данные по первому полету корабля-спутника дали большой материал для осуществления будущего управляемого полета человека в космосе и показали правильность основных положений, принятых при создании космического корабля.

БАДИТЕЛЬНОСТЬ — ВАЖНЕЙШЕЕ ОРУЖИЕ ДРУЗЕЙ МИРА

(Юнчанье. Начало на 1-й стр.)

с тысячами ополченцев шли на некоторые смитинские междунациональные правительственные органы США. — Як улавляло создаваемые боевые иллюзии в умных честирах друзей полнотного мира. Эти кружки маскировали свои полнотные изобретения, свою остроту «боязни мира», свою неадекватность в самой идее разоружения.

Теперь о разоружении. Прислушавшись к голосам наиболее трезвых обозревателей. Австралийская газета «Трибуна» пишет: «Теория позиции Советского Союза позволила обвинить агрессивную сущность НАТО, цель которой — окружить военными базами Советский Союз. Народы Турции, Норвегии и Пакистана и даже Англия сейчас совершенно ясно, для каких целей нужна территория их стран для НАТО». «Моральные позиции США как лидера атлантического союза заметно пошатнулись», — заявляет председатель бельгийского сената Стрей.

Американская пресса, американское радио и все пропагандистские госаппараты неустойчиво твердят, что разоружение — это путь к не главной, основанной на политике США. Скрывая, в частности, свое стремление сорвать на парламентском совещании в верхах обсуждение в Лиссабоне Берлин и японский договор с Германией, дипломаты США в ФРГ неизменно скандировали — «важное всего «разоружение», это ключ к решению всех задач! А сейчас прогрессивная американская газета «Нью-Йорк гардиан» справедливо указывает, что и атака скрывается.

Советские газеты, замечает газета, «превратили эту проблему в миф «холодной войны», мешая успеху на пути разоружения и даже пытаясь оправдать полеты шпионских самолетов на советскую территорию тем, что Советский Союз «сделал из секретности fetish». Научные переговоры о разоружении, продолжающиеся 13 лет, свидетельствуют о том, что Советские Штаты, отнюдь не добиваясь разоружения, просто пытаются пригласить к записке форму антикоммунистического шпионажа. Иными словами, целью, видимо, является не мир, а победа в случае войны».

И не только в этом вопросе американская политика претерпела сейчас перемены в своем истинном виде. Наиболее смелые из американских буржуазных газет настаивают сейчас на полном пересмотре всех основных аспектов этой политики. Газета «Нью-Йорк пост» в по-

маре от 19 мая призывает американцев критически пересмотреть общий курс. «Конкретно говоря, — пишет газета, — нужно установить, остаются ли в силе постулаты Даллеса-Ачесона, на которых основана наша политика? Кто руководит ею — Белый дом или Пентагон и его бомбардировщики из космоса по атомной энергии? Является ли наша политика обороной, которая отражена в стратегии и структуре НАТО, такой же жизнеспособной в 1960 году, какой она была в 1950? Служит ли сегодня оружие Советского Союза базой ракет и бомбардировщиков таким же средством сдерживания, каким оно было вчера? Является ли вооруженная Германия (имеется в виду ФРГ. — Б. Л.) решающим условием сохранения мира или превратилась в угрозу миру? Чем определяется наше отношение к Восточной Германии — жесткой позицией Аденавера или добродушной расхолаженностью Эйзенхауэра? П. наконец, последнее, но не самое маловажное: мы должны всесторонне обсудить вопрос о том, служат ли наша политика в отношении красного Китая и Формозы интересам демократии или интересам коммунизма?».

Сама терминология этой статьи свидетельствует, что ее автор отнюдь не испытывает особых симпатий к Советскому Союзу. Но он в глубокой тревоге в связи с разоблачением полнотных — и отнюдь не мирных — целей американской внешней политики.

Полнотных высказываний множество. Смысл их один — военные кружки, Пентагон, все, что влияет на президента США и «направляет» его, названы, разоблачены, а сама политика Запада представлена перед человечеством без прикрас. Открывшаяся картина — печальна. Ей не приходится радоваться. Но она должна была предстать и предстала в своем полнотном виде. В этом великая заслуга Н. С. Хрущева.

Вот лишь одно из высказываний газет нейтральных государств. Они не высоко ценят решения американских органов прессы, старающихся сейчас «завалить «яву» за срыв совещания в верхах на Советский Союз. Индийская газета «Нидиян экспресс» пишет: «Несмотря на провозглашение и открытое признание президентом Эйзенхауэром агрессивных намерений, Хрущев решил поехать в Париж с чистым сердцем и искренним желанием ослабить международную напряженность и «холодную войну». Мир знает обо всем этом. Картина завершается таким образом Хрущев, который не создает впечат-

ления, будто он позорил совещание в верхах, а что он уезжает после того, как он терпеливо ждал, когда президент Эйзенхауэр раскритикует его (Хрущева) сомнения насчет добрых намерений Запада. Хрущев надеется именно так завершить картину. И так, если даже имел место провал совещания на высшем уровне, то Хрущев победил».

Теперь мир лучше знает полнотные цели и намерения американского империализма. Люди научатся лучше распознавать благочестивые заверения представителей Белого дома. Хорошее знание и настроенная бдительность — это великие ценности, необходимые всем мирным, честным, благородным людям, часто не вершим, что на свете могут существовать такие вещи, как подлость и лицемерие.

ЛИКОВАННИЕ

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО...

На пресс-конференции в Париже Н. С. Хрущев напомнил слова «большого немца» Августа Бебеля, который сказал, что если тебя ругают враги рабочего класса, значит, ты на правильном пути.

Ругают нашу политику как раз те, кто восхваляет сейчас президента Эйзенхауэра за его крутой поворот от «духа Каппа» к срыву совещания в верхах. Н. С. Хрущев, как известно, из Парижа поехал в Германию. Демократическую Республику, где рабочий класс успешно строит социализм, — он встретил там друзей и восторженно. Господин Эйзенхауэр направил свои стопы в противоположную сторону — противоположную в смысле географическом. Он явился в самую законную фашистскую виллу — Португалию. Вот сообщение «Нью-Йорк уорлд телеграм энд санд»: «Лиссабон приветствует Айку как героя». Корреспондент газетки Смит пишет: «Было ясно, что в Португалии, где коммунистическая партия запрещена уже в течение 30 лет, генерал Эйзенхауэр был героем парижской сватки с Хрущевым».

Итак, вот кто ругается агрессивно курсу политики США. Есть и второй «лягушечник». Это — чанкайшты на Формозе. Агентство Франс Пресс сообщает: «Провал совещания в верхах вызвал великую радость среди китайских националистов — самую большую радость за многие годы... В конфликте между Востоком и Западом эмигранты на Формозе видят самый лучший, если только не единственный, шанс возвращения в континентальный Китай».

Есть, наконец, и третий лягушечник, пожалуй, самый главный виновник провала совещания в верхах. Это — американские торговцы оружием. Невозможно без отвращения читать статью финансового обозревателя «Нью-Йорк пост» Сильвии Портер, открыто заявляющей, что «корпорации, связанные с производством оружия, могут быть спокойны за свой бизнес».

Военный бюджет теперь увеличится, прекращаются обзорователи. А значит, попадает деньги, прибыла возмущает. С «боязнью» мы покочеем — ата угроза отпала. «Досы под названием «Разоружение» мы завынудили на дальнюю полку».

Думается, однако, что и ненавидимые народами фашистские диктаторы типа португальского Салазара, и навеки изгнанные из Китая гоминдановцы, и настоящие кровавые бизнесмены разуются уже презрительно. Войну не устает называть человечеству, а новая вспышка «холодной войны» и тонки вооружений, если на это пойдет запятая американской политики, не принесет им успеха. Наоборот, сейчас в обстановке такого разоблачения, такой нежелательности для врагов мира гласности еще труднее им будет вернуть свою опасную политику. Но бдительность и еще раз бдительность! Таков наш лозунг. ПАРИЖ — МОСКВА

ПРЕОДОЛЕТЬ ГРАНИЦЫ

Я не хочу говорить о технических подробностях этого необычайного научного достижения, наполняющего восхищением и восторгом сердца людей всего мира. Полет космического корабля — это еще один шаг, и самый важный, к победе над космосом. Мои самые пламенные пожелания: преодолеть общими усилиями границы, поставленные человечеству в его стремлении к усовершенствованию отношений между людьми во всем мире, точно так же, как уже преодолели границы, которые, казалось, были навечно поставлены проникновению человека во Вселенную.

Карло ЛЕВИ,
итальянский писатель
РИМ. (По телефону)

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

Великий подвиг советской науки и техники заставил нас всех испытывать чувство стыда за то, что мы все еще на состоянии навести порядок на Земле с такой же исключительной находчивостью и совершенством, с какими обеспечен полет в мировом пространстве нового космического корабля-спутника.

Арнольд ЦВЕИГ,
немецкий писатель
БЕРЛИН, 20 мая. (По телефону)

Корабли полетят к Марсу

Первое чувство, которое я ощущаю, узнав о запуске советского космического корабля, было, разумеется, чувство восхищения. У нового спутника огромный вес: 4540 килограммов. Это значит, что советские ученые используют новые мощные ракеты. Эти ракеты с успехом могут быть также использованы для разработки новой программы космических исследований. Думаю, что в ближайшем будущем советским ученым удастся высвободить от земного притяжения полезный груз весом более одной тонны. Полагаю также, что в скором времени Советский Союз сумеет послать космическую ракету в направлении планеты Марс и что мы вследствие этого получим необычайно интересные данные об этой планете, на которой, по моему убеждению, в той или иной форме должна существовать жизнь.

Альбер ДЮКОР,
французский ученый
ПАРИЖ, 20 мая. (По телефону)

КОРАБЛЬ ДЕРЗАНИЙ, КОРАБЛЬ МИРА

В ОКРУГ Земли за 91 минуту! Сейчас это уже не мечта, а факт, волнующий больше любой фантазии. Ведь несущийся по небу предмет, который миллионы людей могут сейчас наблюдать невооруженным глазом, — это не спутник размером с футбольный мяч, даже не контейнер с чувствительными приборами весом в тонну, а сооружение в четыре с половиной тонны, первый в мире космический корабль, в котором, по словам советских ученых, человек — самый чувствительный из всех приборов — сможет за 91 минуту обогнуть земной шар и остаться живым.

Прощай, Жюль Верн, друг нашей юности, достижение это превосходит самые необузданные твои мечты. Великий дерзновенный подвиг советской науки снова демонстрирует моральное и материальное превосходство социалистического общества в наш век быстрых перемен и исторических свершений.

Миллионы жителей Нью-Йорка, Парижа и Лондона, которые встречают и провожают солнце, глядя в глаза в небо, чтобы увидеть в нем новое явление, не испытывают при этом ни малейшего страха. Советский космический корабль — счастливое знамение в небе, посланец мира. Нет на его борту шпионских фотоаппаратов для нарушения суверенитета великих или малых держав, он послан не с целью подготовки опустошительной войны, которая может смести с лица земли цивилизацию, потом и кровью создававшуюся на протяжении веков.

Никогда пилот этого корабля не захватит с собой пулю, как яд, чтобы отнять у себя жизнь, ибо его полет послужит утверждению могущества человека над побеждаемой Вселенной и его права жить для новых завоеваний.

Комментаторы, еще не отказавшиеся от образа мыслей, присущего «холодной войне», стараются запутать людей своими бесконечными грязными домы-

— Спутник, Луна, корабль, марш!
Рисунок Н. Лисогорского

лами, хитроумными искажениями фактов и сложными нагромождениями лжи, транслируемые по радио и телевидению. Но эти напыщенные жабы, предвещающие беды своим иваньям, бессильны помешать проникновению громких отчетливых сигналов советского космического корабля в дом каждого человека даже через самый маленький семейный приемник.

Взгляните-на в окно, распахнутое настоем в эти теплые весенние вечера, когда вся природа радуется уходящим зима, и вы увидите над цветущими деревьями бутон из сверкающего металла, созданный руками советского человека, исторический корабль, прокладывающий ясный след в синеве неба. Он рассказывает нам о мужестве, о смелых замыслах, о мирных целях и человеческой доброте советских людей.

С радостным сердцем приветствуем мы тебя, корабль дерзаний, корабль мира!

Питер ТЕМПЕСТ,
английский поэт
ЛОНДОН, 20 мая. (По телефону)

Реакция Америки

В ЧЕРА вечером в Нью-Йорке состоялся грандиозный митинг. В первый раз за последние десятилетия представители сил мира Америки до отказа заполнили самый большой зал Нью-Йорка. Митинг, прошедший под лозунгом «Мир без войны», надежда человечества, был создан буржуазно-либеральной организацией «Антикоммунистический комитет за разумную ядерную политику». Тысячи весьма решительно настроенных нью-йоркцев собрались в зале «Мэдисон сквер гарден», чтобы послушать так называемых деятелей, как г-жа Элеонора Рузвельт, губернатор штата Мичиган Уильямс, бывший губернатор штата Канзас Лэндон, член «Комитета за разумную ядерную политику» Норман Томас и другие.

Выступавшие требовали прекращения ядерных испытаний и проведения серьезных переговоров об укреплении мира; они призывали к разумной политике, ведущей к достижению взаимного доверия и к мирному сосуществованию. За последние два дня вся громадная машина пропаганды была приведена в действие с целью убедить американский народ, что провал совещания в верхах было бы явилось результатом односторонних действий СССР. Однако ни один из ораторов, выступавших на вчерашнем митинге, а они представляли влиятельные и ответственные политические круги, — не согласился с этим утверждением. Все они без исключения требовали руководства разума и прекращения раздувание националистических страстей.

Норман Томас гневно выступил против усиленного перевооружения Западной Германии. Бывший губернатор Лэндон, известный как весьма консервативный деятель (в 1936 году он был соперником Рузвельта на президентских выборах как кандидат республиканской партии), решительно заявил: «Необходимо пробудить мировое общественное мнение с тем, чтобы оно потребовало добросовестного продолжения попыток добиться запрещения ядерных испытаний».

Особенно резко выступил губернатор штата Мичиган демократ Уильямс. Не называя президента Эйзенхауэра по имени, он сказал о бывшем французском премьер-министре: «Жорж Клемансо как-то раз заметил: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверить ее генералам». Так вот, я не знаю действительно ли война слишком серьезное дело, чтобы доверить ее генералам, но что сказать о мире? Должны ли мы, как это делалось до сих пор,

Карл МАРЗАНИ,
американский писатель

отдать дело мира целиком в руки генералов?

Перед участниками митинга выступили виднейшие американские артисты, в том числе Гарри Беллонтоне. Два известных комика разыграли сцену, в которой остроумно высмеяли новейшие провалы американской внешней политики. Один артист говорил об отказе президента Эйзенхауэра извиниться, а другой отвечал, что он, мол, это понимает, поскольку у президента есть протекция, — как касается меня, — продолжал он, — то у меня нет протекции. Мне кажется, я с удовольствием бы извинился. Эти слова были встречены горячими аплодисментами.

После митинга было четыре тысячи его участников во главе с губернатором Уильямсом, писателем Норманом Томасом и другими прошли по улицам Нью-Йорка. Молодежь громко скандировала: «Мы не хотим войны! Мир, мир, мир!» Среди ночи участники шествия прибыли к зданию Организации Объединенных Наций и остановились перед ним. Это была молчаливая демонстрация глубокого стремления американцев к миру.

Пока еще рано делать выводы относительно того, удастся ли американским правящим кругам раздуть небувалую по своим масштабам кампанию ненависти. Народ сбит с толку, встревожен, дезориентирован. Однако, по моему мнению, этот митинг, — судя по тону выступавших на нем ораторов, — показывает, что на этот раз милитаристам не удастся в полной мере добиться своего. Знаменательно, что Эдлай Стенсенсон прислал участникам митинга приветственную телеграмму, в которой заявляет им о своей поддержке. В движении за мир сделан сегодня важный шаг вперед. Это была одна из тех многих битв, которые американскому народу необходимо провести и выиграть за время, остающееся до ноября.

Б УДЕТ ЛИ первый костюмат русским? — статья под таким заголовком видный американский журналист, редактор научного отдела газеты «Нью-Йорк гардиан» Эрл Юбелл приветствовал запуск советского космического корабля. На поставленный им вопрос он дал положительный ответ. Обсуждение известия о космическом корабле по-настоящему еще не начиналось. Тем не менее амери-

канцы потребовали громадных размеров корабля-спутника. Поднять в космос четыре с половиной тонны — это большое дело, и все ясно отдадут себе отчет в огромной мощи советских ракет, которые оказались способными справиться с этой задачей. Специалисты, такие, как Юбелл, отмечают также высокий уровень техники, требовавшийся для осуществления запуска этого корабля-спутника.

Среди высказываний о советском космическом корабле два заслуживают особого внимания, одно из них — чисто космическое, планетарное. Видный реакционный журналист Дэвид Лоуренс писал: «Поставить запуск нового советского корабля-спутника в один ряд с полетом «У-2», ибо в обоих случаях-де имело место «вторжение в воздушное пространство». Однако это сопоставление показало слишком смехотворным даже реакционеру, и больше об этом не упоминали.

Другой отклик представлял больший интерес. Я имею в виду открытое признание корреспондента «Нью-Йорк таймс» о том, что американское правительство «намерено продемонстрировать ряд эффективных военных и научных достижений, которые должны были достигнуть наивысшей точки накануне совещания в Париже». К несчастью, указывает он, «все проекты, за исключением одного, провалились, а впечатление от единственного реального достижения — кругосветного плавания атомной подводной лодки «Тритон» было ослаблено из-за волнения, вызванного тем, что Советский Союз сбил самолет «У-2».

Корреспондент сообщает, что в течение недели, предшествовавшей предполагаемому совещанию в верхах, были предприняты попытки запустить три различного типа спутника. Все три попытки провалились, и это, замечает а заключении корреспондент, «свервало планы США прийти к совещанию в верхах с ореолом психологической победы».

Надо сказать, что этот «психологический провал» просто ничто по сравнению с дипломатическим провалом Соединенных Штатов, имевшим место в Париже. Все последствия этого провала с настоящим временем еще невозможно оценить, но можно не сомневаться, что в течение ближайших шести месяцев серьезные сдвиги произойдут в политической атмосфере в Соединенных Штатах. Глубоко завынудивший американский народ, вступающий на трудный путь самонавизации и трезвой оценки действий своего правительства в последние два недели.

Нью-Йорк, 20 мая. (По телефону)

ПРОЛЕТЕЛ

самолет. Он испортил все. И мне кажется, что торнадо-визит сам весна...

С этим я сталкиваюсь уже давно. Мне никак не удается хороший прием телепередач. Я живу далеко от телецентра, на самой границе его «дальности». Вдобавок за мой домом расположено поросший лесом холм, мешающий распространению волн. Но самые главные помехи бывают тогда, когда пролетают самолеты. Стоит появиться машине над домом, как тут же исчезает изображение на экране телевизора (звук становится прерывистым, лица чудовищно вытягиваются или расплываются...). И лишь после того, как самолет покидает мое небо, все приходит в норму.

Каждым светлым надеждами были полны сердца всех французских в дни разведки войны в верхах! Но когда я узнал о первом испытании с самолетом-шпионом, я почувствовал, как расплывается надежда на яркое будущее воображения. Слово в тихую, прозрачную воду бросили грязный камень...

В первые дни мая почти все люди, с которыми я беседовал о деле разведки Пауэрса, высказывались приблизительно так: «О, Хрущев! Он говорит все до конца».

Люди были поражены. С детства мы внушали, что дипломаты, как и шпионы, — это прежде всего вещи секретного порядка. Они смирились с тем, что сведения глав правительств, встречи, на которых решается судьба народов, имеют, подобно Люде, две стороны. Одна из них — официальные коммюнике, лишенные

ВОЗДУШНАЯ БОЛЕЗНЬ

Жан-Пьер ШАВРОЛЬ

существенного значения и публикующиеся для всех, другая же — единственно важная — это тайные переговоры. И вдруг, совершенно неожиданно им сказали все, их «взвешив» в курс их собственной судьбы, их сочин достойными узнать все о переговорах, определяющих судьбу человечества. Нашелся человек, осмелившийся сказать все, сорвать маску с «обратной стороны» международных совещаний, — тот же человек, который показал нам невидимую сторону Луны... И люди не верят своим глазам, своим ушам. Значит, отныне, благодаря этому человеку, им уже не будут накладывать на язык ула, что всегда бывало в прошлом!

Жорж Бортоли, репортер французского телевидения, заявил нам в понедельник вечером: самое удивительное в этом совещании — это то, что журналистам, а через них и всей общественности, было сказано все. Их информировали, так сказать, при ярком свете дня. Бортоли добавил: «Французские дипломаты не жалуют сил для того, чтобы вести переговоры в обычном русско секретности...» В тот момент лицо Жоржа Бортоли на экране телевизора было искажено, его искривленный рот словно разоблачил полнотное, тайное и уродливое лицо дипломатии этого рода. Над моей крышей, над телевизионной антенной пролетал самолет. То была обычная почтовая машина, ежедневно пролетающая в один и тот же час над моим жильем. Вот почему всякий раз, когда я принимаю последние известия, передаваемые французским телевидением, я вижу сплошные гримасы.

Папаша Буйе, мой сосед из деревни Вердеа (департамент Сены и Марны), сказал мне: «Очень трудно договориться с лисой, утверждающей, что она не съела петуха, когда петушиный хвост еще торчит из ее пасти...»

Крестьяне не умеют беседовать о политике, даже о самой что ни на есть международной и высокой, без того, чтобы не рассуждать о своей жизни. Вот, и примеру, один из таких рассказов: «Надо было мне купить у Виктора жинки, но тягач, который он мне продал, вышел из строя — одна из частей сломалась. Я сказал ему об этом. А он говорит мне, что, дескать, я сам ее сломал. Тогда я позвал механика. Посмотрел он на деталь и показывает рожавую и месте поломки. Говорит Виктору, что поломка случилась еще несколько месяцев назад. Виктор покрасил и давал лопатать, что это, конечно, правда, но что он сам ничего не знал, что сломал эту штуку его сынчик Робер, он испугался и ничего не сказал. Иду я к Роберу. Спрашиваю, как было дело. А он мне и говорит, что деталь сломал его отец в такой-то день, таким-то мамером и что он это отлично помнит, да я отец не забыл. Просто, мол, легче свалить все на сына, с которого спрос невелик. Пошел я обратно к Виктору, да и ткнул его носом в... В конце концов он признался, потому что тут ему дельце некуда. Очень ему было неприятно оказаться ядром в таком положении. Стало мне его жалко. «Ладно, — говорю, — Виктор! Забудем об этом. Принай же ошибку перед собой и перед всеми, а потом пообщай, что больше не станешь меня обманывать». Тогда я тебе поверю и куплю эту самую жинку». Не знаю, какая муза укусила Виктора, только он весь побегал и страшно распухшим. Закричал, что дела — это дела и что вытравляет тот, кто хитрит, что мне надо было лучше разглядеть трактор, — тогда я бы увидел поломку, но уж коль скоро я купил его и ничего не заметил, значит, тем хуже для меня и что он и впредь будет вести себя так же и обманет меня при первом же удобном случае и т. д. Я ему ответил: «Раз такое дело, Виктор, я не возьму тебя жинку. Мало того, что ты атл, обманывал меня, теперь ты еще заявляешь, что не только не исправишься, а, напротив, будешь и дальше жульничать...» Ушел я от него. А ведь в общем в накладе останется

о, а не я. Во-первых, не он один продает жинки, а кроме того, ему не надо осталось торговать ими. Завод так возмущен его проделками, что скоро лишит его права продавать сельскохозяйственных машин и передаст это право другому, несомненно, более честному и искреннему человеку. Думаю, заказать жинку его переимену. А Виктор с тех пор лишится всякого уважения, и другие крестьяне тоже не хотят иметь с ним дело. Мне раз кажется, что честь — это как спичка, свет, и нет ее. Кстати, этот генерал Эйзенхауэр еще долго будет президентом Соединенных Штатов?

Рабочие и крестьяне, которых я встречал в последние дни, разочарованы провалом совещания в верхах. Так долго и с такой надеждой ждали они его! Они не верят утверждениям буржуазной пропаганды, будто встреча торнадо-визитов Соединенных Штатов, который столько лет подражал, была проведена. Французы хорошо помнят, как изворачивались руководители Запада, прежде чем решились на созыв совещания на высшем уровне. Они помнят, как часто правители США твердили, что это совещание будет «бесплатным мероприятием».

Недавно я беседовал с Ршиаром. Этот молодой металлист с предельным лаконизмом выразил свою мысль, которая, как мне кажется, верно передает настроение француз. Ршиар сказал: «Что до нас — мы не любим фальшивых монет...»

Его приятель Макс говорит то же самое, но на свой лад: трудно, трудно договориться с парнем, который протягивает нам руку, а сам тем временем подсылает своего друга, чтобы тот дал нам пинок сапогом в зад; при этом он и не думает напиться и намерен поступить так же и впредь...

Из всех разговоров на эту тему, которые я вел со знакомыми, обычно именующими «простыми людьми», я пришел к следующему выводу: выход советской дипломатии на широком, обзорному для всех ядру, ее отказ от секретности буржуазной совести сразу же сообщивший международную политику подлинно человеческим масштабом. И действительно, насколько легче стало рабочим и крестьянам судить о своей собственной судьбе после того, как «г-н Кэ» «сказал все».

Возможно, что лишь частное наблюдение, небольшая сторона огромного вопроса, но она имеет свое значение. Самые главные стороны вопроса всемерно освещены в советской печати и уже известны вам. Что же касается до этих строк, то я буду считать их полезными в случае, если они покажут нам одно: наш добрый французский народ, который не любил «фальшивую монету», как бы «возмущался» превращением на подмостках, превращением опыта труженика, которому дана возможность самому судить обо всем на основании фактов. Наконец-то, с французами обещалось, как со взрослыми людьми! Это была глава правительства великой социалистической державы.

Отпирательство, затем признание и покаяние, раскаяние и угрозы президента Эйзенхауэра — все это провозглашало на нас крайне неприятное впечатление. Еще неприятнее было нам влияние французского правительства, стремившегося подавить под чужой шор. Очень усердствовал продалные перья...

Я отскочил на несколько минут от писания этой статьи, чтобы «посмотреть» последние известия по телевизору. На экране снова возник Жорж Бортоли. Он «разъяснял» нам, что не американский президент Эйзенхауэр, а «г-н Кэ» «убил» не в верхах. Физнономия репортера французского телевидения искажалась на экране во всех направлениях, его рот искривлялся в страшной гримасе, словно на харику-туру, бьющуюся ложь во всем ее уродстве. Поскольку шла передача дневного выпуска последних известий, я вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на самолет. Но нет! Уродство комментатора на этот раз было естественным — в небе над моим домом не было никакого самолета.

ПАРИЖ, 20 мая. (По телефону)

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ГРАНИ ВОЙНЫ
Фотомонтаж А. Житомирского

